Дзодзиев Андрей Анатольевич

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ГРУППЫ ОСЕТИНСКИХ КРЕСТЬЯН: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается проблема трансформации традиционной социальной культуры осетинских крестьян в условиях пореформенной модернизации Северной Осетии. Объектом исследования является категория "временнопроживающих" крестьян, сформировавшаяся в результате отмены крепостного права и внутренних миграций. Задача статьи заключается в выявлении инновационных явлений в традиционных поведенческих практиках и повседневной жизни крестьян-переселенцев. На основе анализа посемейных списков "временнопроживающих" крестьян за 1905-1906 гг. и других источников впервые выявлены изменения в традиционной организации хозяйства, правилах поселения, формах семьи, нормах обычного права.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 60-63. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

TRANSFORMATION OF THE OSSETIANS' TRADITIONAL DAILY LIFE IN PROCESS OF RUSSIAN-OSSETIAN CULTURAL INTERACTION (THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY)

Kamila Ruslanovna Dzalaeva, Ph. D. in History
Department of Ethnology
North Ossetia Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev
Vladikavkaz Scientific Centre of Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia - Alaniya
abisaltik@mail.ru

The author discusses the problem of traditional Ossetian society transformation in the course of the intercultural interaction between Ossetia and Russia in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century, reveals the cause-effect relation of the modernization transformations of traditional daily life, and pays particular attention to such its structures as dwelling and clothes, which palliative nature becomes the most vivid illustration of significant transformations in the Ossetians' traditional culture under the influence of the Russian culture.

Key words and phrases: traditional daily life; intercultural interaction; modernization; urban culture; traditional dwelling; traditional clothes; palliative cultural forms.

УДК 93/94
Исторические науки и археология

В статье рассматривается проблема трансформации традиционной социальной культуры осетинских крестьян в условиях пореформенной модернизации Северной Осетии. Объектом исследования является категория «временнопроживающих» крестьян, сформировавшаяся в результате отмены крепостного права и внутренних миграций. Задача статьи заключается в выявлении инновационных явлений в традиционных поведенческих практиках и повседневной жизни крестьян-переселенцев. На основе анализа посемейных списков «временнопроживающих» крестьян за 1905-1906 гг. и других источников впервые выявлены изменения в традиционной организации хозяйства, правилах поселения, формах семьи, нормах обычного права.

Ключевые слова и фразы: переселенческие группы; миграционные процессы; «временнопроживающие»; родственные объединения; простая семья; усложненная семья; патронимия; отходничество; традиции; инновации.

Андрей Анатольевич Дзодзиев
Отдел истории
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказский научный центр Российской академии наук
tedeeva.nina@mail.ru

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ГРУППЫ ОСЕТИНСКИХ КРЕСТЬЯН: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ©

В Осетии динамика общественного развития пореформенного времени привела к глубокой трансформации экономики и социальной культуры. Традиционные структуры вступали в противоречие с новыми историческими условиями жизни социума. Разложение натурального хозяйства, освобождение зависимых сословий, развитие буржуазных экономических отношений, появление аренды и наемного труда в сельском хозяйстве привели к формированию новой стратификации общества и необходимости решать сложнейшую задачу перехода к новым формам труда и производства.

Первыми в стихию переходного времени оказались вовлечены переселенческие группы крестьян, часть которых известна в пореформенной истории Северной Осетии как «временнопроживающие». Они формировались после проведения крестьянской реформы, в ходе внутренних миграций населения из горных районов на равнину. Крестьяне по отбытии срока своих обязанностей по отношению к бывшим владельцам, приписывались к селам, где проживали временно, без земельного надела. Их число пополнялось и за счет выходцев из горной местности, которые покидали горы из-за нехватки пахотных земель. Численность «временнопроживающих» колебалась в разные годы от 10 до 14 тысяч человек. Эта довольно многочисленная категория безземельного населения арендовала в разных селах угодья для занятия сельским хозяйством.

До второй половины XIX в. жители равнинных селений безотказно принимали в свои общества горцев-переселенцев. Но с течением времени многие из них стали сами ощущать острое безземелье в связи с ограничением их деревень определенными границами и захватами земли частными владельцами. В этих условиях

© Дзодзиев А. А., 2012

коренные жители стали категорически отказывать горцам в приеме, подвергать их всевозможным гонениям. Экономическое положение «временнопроживающих» было различным: одни имели в селениях собственные усадебные места и скот, другие арендовали у коренных жителей усадебные места, также имели скот, а очень многие проживали в селениях на квартирах и не имели ни скота, ни лошадей. В общей массе этой категории крестьян неимущие составляли большинство.

«Временнопроживающие» крестьяне были лишены многих элементарных прав, им не разрешали участвовать в сельских сходах, для них были закрыты двери сельских правлений. При этом администрация пыталась сделать их самыми активными налогоплательщиками. За землю, полученную в аренду, они платили особую арендную плату: не с десятины, а с сажени, что превышало обычную арендную стоимость в 10-12 раз [7, с. 84].

«Временнопроживающим» приходилось отстаивать свои права даже в Правительствующем Сенате. Они с возмущением доказывали, что сельские власти бесконтрольны в нарушении всяких прав, облагают их денежными и другими сборами в свою пользу. Крестьяне пытались применить к своей ситуации нормы обычного права: существовала традиция отдавать земли бедных, одиноких, пожилых и инвалидов, доставшиеся им по разверстке на распашку и засев, другим лицам, в особенности родственникам, за часть урожая или за денежную плату. Они ссылались на изданный 30 декабря 1869 г. закон, представлявший наместнику право применять к горцам Терской области те правила общего крестьянского положения от 19 февраля 1861 года, которые окажутся соответствующими обычаям означенного населения. Они доказывали, что нарушение закона может вызвать в обществах «невыразимое угнетение слабых семейств, усиление преступлений, мести, умножение нищих, беспорядки и ропот против правительства» [3, с. 147].

Развитие буржуазных отношений, расширение местного рынка и торгово-экономических контактов с другими областями России, втягивание в общероссийский рынок разрушали традиционное хозяйство осетин, способствовали отходу крестьян от земледелия и скотоводства и приобщению к новым для них видам хозяйственной деятельности.

Основным источником настоящего исследования являются посемейные списки «временнопроживающих» осетинских крестьян сельских приходов Владикавказского округа, частично введенные в научный оборот [Там же, с. 140-141]. Они составлялись в ходе сплошного подворного обследования специальными комиссиями в 1905-1906 годах, а в настоящее время хранятся в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия - Алания.

Анализ посемейных списков показывает, что особые экономические условия предопределили активную включенность «временнопроживающих» крестьян в систему внеземледельческих занятий и отходничества. Только в 27 семьях «временнопроживающих» селения Ногкау в 1906 году зафиксировано 24 отходника, в 39 семьях селения Хумалаг – 17, в 15 семьях Заманкула – 11, в 40 семьях селения Тулатовского – 14 отходников [4, с. 69]. Многие из них служили на конных заводах Петербурга, Москвы, Майкопа и других российских городов. Развитие экономики и рост городов на Кавказе вызвали отход значительного числа осетинских крестьян в Тбилиси, Баку, промышленные районы Ткибули, Чиатура, Алаверди. Они работали также на нефтяных бакинских и грозненских промыслах, железнодорожных предприятиях, особенно в Харбине, на сибирских золотых приисках. К 1906 году многие «временнопроживающие» из сел Христиановское, Дарг-Коха, Заманкула, Ольгинского и других мест выехали в Америку.

Огромную роль в процессе разложения крепостнических отношений и создании нового способа производства сыграло железнодорожное строительство, в частности, проведение железной дороги Ростов-Владикавказ. Это привело к усилению притока капиталов в Осетию из Центральной части Европейской России и содействовало развитию экономики. По наблюдению современника, «с проведением Ростово-Владикавказской железной дороги произведения мануфактурной и заводской промышленности вытесняют всюду местные изделия… Железные изделия, доставлявшиеся местными кустарями, сделались покупными… Специализированный труд в городах предупредительно доставляет ему на рынок все предметы хозяйства, все орудия труда, притом в лучшем, более совершенном виде» [7, с. 84].

Крестьяне-переселенцы, не имевшие земли, стали активно заниматься извозом – наиболее распространенным видом отхожего промысла. После проведения Владикавказской железной дороги (1875 г.) извоз приобрел еще большее значение в связи с ростом торговли и необходимости доставки огромного количества сельскохозяйственной продукции на железнодорожные станции Владикавказа, Беслана, Дарг-Коха и Эльхотова. Многие крестьяне были заняты также перевозкой руды из Садона на Алагирский завод.

Распространение неземледельческих занятий неминуемо приводило к быстрому формированию частной собственности и, как следствие, к семейным разделам и ослаблению традиционного семейного уклада.

Основу самоорганизации осетинского традиционного общества составляли родственные объединения: патронимии, фамилии, фамильные союзы. Они сохраняли особую синергетическую значимость в жизни осетин. В большей степени это характерно для патронимии, основным признаком которой считалось территориальное единство.

Однако массовые переселения горцев на равнину и образование новых селений нарушали это единство. Осетины старались переселяться на новые места, как правило, несколькими родственными семьями. Состав равнинных сел отличался своей многофамильностью, но при этом очень редко встречались случаи, когда отдельная семья переселялась на новое место самостоятельно, без родственников. Так, среди «временнопроживающих» Мизурского прихода обособленно поселились 7 семей Зангиевых, 6 семей Дзгоевых, 4 семьи Цараковых и т.д. [8, д. 284, л. 1-16]. В селении Текаевском из 37 семей «временнопроживающих»

было 15 семей Карабугаевых, 10 семей Кантемировых, 4 семьи Кабановых, 3 семьи Кубатиевых и 2 семьи Цопановых [Там же, д. 967, л. 1-38]. Среди временнопроживающих в Лайтакау (Закинский приход) было 8 семей Кесаевых, 5 семей Томаевых, 3 семьи Медоевых, 3 – Ханаевых и т.д. [Там же, д. 961, л. 1-53].

Переселяясь на равнину, члены родственной группы старались селиться компактно, образуя часто целые улицы, кварталы. В квартале компактного патронимического расселения дома располагались рядом, их дворы могли быть связаны внутренними переходами или перелазами, иногда имелся и общий двор. Если не хотели, чтобы вновь образованная семья селилась в другом месте, то остальные родственные семьи нередко отдавали ей часть своего приусадебного участка, даже переносили какие-нибудь свои хозяйственные постройки. В горных селениях с их ступенчатой застройкой крыша дома одной из родственных семей могла быть двором для другой семьи [6, с. 91]. Более крупные семейно-родственные группы населяли несколько смежных кварталов.

Однако процесс массового переселения осетин на равнину не мог не нарушать территориального единства всей патронимии, одни члены которой становились равнинными жителями, а другие оставались в горах.

В условиях модернизации роль патронимии не только не ослабла, но и обрела особую актуальность. Патронимия заполняла тот вакуум в традиционной хозяйственной, общественной и идеологической сферах жизнеустройства, который появился с разложением большой семьи. Кроме того, снижение уровня благосостояния основной массы осетин в пореформенное время, кризисное состояние хозяйства актуализировали главную функцию патронимии – взаимопомощь родственников. Традиционная система самоорганизации родственных объединений, несмотря на социальное расслоение общества, демонстрировала свою устойчивость. Родственные связи и общественное мнение оставались мощными регуляторами жизни осетинского социума.

Другой причиной нарушения территориального единства патронимии были семейные разделы, т.к. обычное право осетин допускало куплю-продажу земли: выделившаяся семья могла продавать свой земельный участок «чужеродцам», если не находилось покупателя среди родственников [2, с. 165]. Участились семейные разделы, вызываемые обычно социальным расслоением семьи. В таких случаях братья старались селиться в разных местах, не создавая патронимических поселений [1, с. 165].

Особенно подверженными нарушению территориального единства оказались патронимии «временнопроживающих». Основная их масса объективно не могла сохранять территориального единства в связи с трудностью жилищного вопроса: не будучи приписанными к сельским обществам, «временнопроживающие» не имели права строиться на новых местах и, как правило, проживали на квартирах, у родственников. Естественно, в таких условиях не могло быть и речи о совместном проживании всей патронимии. Обычно поселиться вместе удавалось не более чем двум-трем семьям. Среди «временнопроживающих» бывали такие случаи, когда отдельная семья поселялась в новом месте на равнине самостоятельно, без родственников, чего обычно не бывало у осетин. Например, в селении Каражаевском в 1906 г. были поселены две семьи Найфоновых, две семьи Каймархаевых, две семьи Кобегкаевых, одна семья Саламовых, одна семья Чегемовых, одна семья Абисаловых и одна семья Комеховых [8, д. 959, л. 1-4]. В селении Зильги в том же году проживали четыре семьи Мисиковых, одна семья Албеговых, две семьи Цомаевых, одна семья Газаловых, одна семья Бекузаровых, одна семья Дзусовых и одна семья Хантуровых [Там же, д. 953, л. 1-12]. В селении Карджин было две семьи Малиевых, одна семья Газацевых, одна семья Кокоевых, одна семья Моргоевых и одна семья Фарниевых [Там же, д. 958, л. 1-6] и т.д.

Эволюция осетинской пореформенной семьи проходила в направлении уменьшения ее численности и сокращения круга родственников, проживавших под одной крышей. Этот процесс особенно четко прослеживается при изучении семей «временнопроживающих» крестьян. Источником существования этой категории крестьян была аренда земли, среди них гораздо чаще встречались семьи, имевшие неземледельческие заработки. Только в 27 описанных в источниках семьях «временнопроживающих» в селении Ногкау в 1906 году было 24 отходника [Там же, д. 964, л. 1-19]. В 39 семьях селения Хумалаг отходничеством занималось 17 человек, в 15 семьях Заманкула их насчитывалось 11 человек, в 40 семьях селения Тулатовского – 14 человек, в 26 описанных семьях селения Гизель – 9 человек [Там же, д. 941, л. 1-20, д. 946, л. 1-4, д. 951, л. 1-13, д. 953, л. 1-6]. Многие из «временнопроживающих» вынуждены были идти в работники к состоятельным односельчанам, нанимались в пастухи.

В силу указанных условий социально-экономического развития категория «временнопроживающих» крестьян оказалась намного сильнее втянутой в сферу буржуазных отношений, чем остальная масса населения, особенно в горах. Поэтому особый интерес представляет для нас изучение их семейного уклада, а точнее, формы, численности и состава этих семей. Мы располагаем сведениями о 1430 семьях «временнопроживающих» крестьян за 1906 год. По нашим подсчетам, около 26% из них были неразделенными, как «братскими», так и состоявшими из брачной пары с детьми. Например, из 15 неразделенных семей селения Ново-Урухское было 6 «братских» и 9 со структурой – родители и женатые дети; из 25 неразделенных семей Кадгарона – 10 «братских» и 15 с указанной выше структурой [Там же, д. 933, 941, 949, 960, 964, 965, 967, 971, 981]. В Алагире семьи с подобной структурой составляли 28 из 39 семей; в Разбуне – 7 из 9, в Текаевском – 5 из 7, в Христиановском – 11 из 15; в Тулатовском – 14 из 18, в Дарг-Кохе – 10 из 13, в Ногкау – 9 из 13, в Синдзикау – 26 из 42, в Хидикусе – 11 из 11, в Кора – 17 из 77, в Зильги – 3 из 11 [Там же, д. 953, 954, 957].

Приведенный материал не оставляет сомнений в том, что в начале XX века произошло значительное сокращение неразделенных семей «братского» типа, столь широко распространенных еще в первое пореформенное десятилетие [4, с. 78]. Четко прослеживается тенденция все большего увеличения неразделенных семей другого типа, разросшихся в результате женитьбы сыновей.

Среди «временнопроживающих» довольно часто встречались усложненные индивидуальные семьи, в состав которых входили, кроме брачной пары с детьми, родственники по мужской линии. Становится очевидным упрощение структуры малой семьи; семьи многих «временнопроживающих» были «простыми», т.е. состояли из родителей и детей. Об этом свидетельствуют посемейные списки «временнопроживающих» крестьян за 1906 год. Например, в селении Каражаевском было 11 малых семей: 6 простых и 5 усложненных, в Зильги из 11 усложненных 4 и 7 простых, из 144 семей Синдзикау 96 были усложненными и 48 простыми, из 26 семей селения Гизель было 13 усложненных и столько же простых, в Заманкуле усложненных было 7, простых 8, из 40 семей Тулатовского 25 были усложненными, 15 простыми, из 145 семей Алагира 66 были усложненными, 79 простыми, из 23 малых семей Тугановского 4 были усложненными, а 19 простыми, из 44 семей Дарг-Коха усложненных была 21, простых 23, в Архонской из 49 малых семей 16 было усложненных и 33 простых, из 77 семей Кора было 20 усложненных и 57 простых, из 18 семей селения Нузал было 9 простых и столько же усложненных, из 71 семьи Христиановского 15 были усложненными, 56 простыми, из 36 семей Ново-Урухского было 13 усложненных и 23 простых, из 37 семей Текаевского было 13 усложненных и 69 простых, из 12 семей Эльхотово было 4 усложненных и 8 простых, из 43 семей Кадгарона было 22 усложненных и 21 простая. Среди малых семей «временнопроживающих» больше было простых (518 из 884), состоявших из брачной пары с детьми [8, д. 891, 892, 905, 933, 935, 940, 941, 945, 949, 951, 953, 957, 958, 964, 965, 967, 969, 971] .

Менялись и нормы взаимоотношений в традиционной семье: не соблюдался принцип старшинства в представлении интересов семьи на общинном сходе, в суде или администрации; нарушалась традиция половозрастного разделения труда, согласно которой пожилые люди, женщины и дети не занимались тяжелым физическим трудом. Многим из них приходилось наниматься в батраки или уходить в отходники.

Была ослаблена строгость патриархального быта, появились паллиативные варианты традиционного поведения в семье. Пореформенная модернизация, с одной стороны, облегчила жизнь осетинской женщины, освободила её от необходимости некоторых консервативных ограничительных отношений, но, с другой стороны, значительно осложнила её хозяйственные обязанности. Осетинки не принимали участия в отходничестве, но оно «перекроило» традиционное женское пространство. Вся тяжесть ведения хозяйства, в том числе и полевых работ, ложилась на женские плечи, часто осетинкам приходилось содержать семью своим трудом. Многие женщины из среды «временнопроживающих» обрели экономическую самостоятельность и работали кухарками, прачками, портнихами, кладовщицами.

Таким образом, в результате крестьянской реформы, миграционных потоков из горной местности на равнину переселенческие группы крестьян в Северной Осетии оказались в экстремальных экономических и социальных условиях, подвергших радикальным переменам нормы традиционной социальной культуры, хозяйственный быт, правовое положение. Процессы, происходившие в среде переселенцев, стали зеркальным отражением последующей трансформации повседневности всего осетинского крестьянства.

Список литературы

1. **Гаглойти З. Д.** Очерки по этнографии Осетии. Тбилиси, 1978. 262 с.
2. **Калоев Б. А.** Осетины. М.: Наука, 1971. 256 с.
3. **Канукова З. В.** Посемейные списки осетинских крестьян как этнографический источник // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. С. 138-152.
4. **Канукова З. В.** Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. 116 с.
5. **Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева.** Ф. 5. Оп. 3.
6. **Смирнова Я. С.** Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. 263 с.
7. **Тотоев М. С.** Положение крестьянства и классовая борьба в Северной Осетии в последней четверти XIX века // Ученые записки СОГПИ. Орджоникидзе, 1956. Вып. XX. С. 82-88.
8. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия - Алания** (ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 52.

RESETTLEMENT GROUPS OF OSSETIAN PEASANTS: TRADITIONS AND INNOVATIONS IN SOCIAL CULTURE

Andrei Anatol'evich Dzodziev
Department of History
North Ossetia Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev
Vladikavkaz Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
tedeeva.nina@mail.ru

The author considers the problem of Ossetian peasants' traditional social culture transformation under the conditions of North Ossetia post-reform modernization, tells that the object of this research is the category of "temporarily residing" peasants, which formed as the result of serfdom abolition and internal migration, and the task of the article is to reveal innovative phenomena in the traditional behavioural practices and daily life of peasant-immigrants; and for the first time reveals the changes in the traditional organization of economy, settlement rules, family forms, and the norms of customary law basing on the analysis of the poll families lists of "temporarily residing" peasants in 1905-1906 and other sources.

Key words and phrases: resettlement groups; migration processes; "temporarily residing"; related associations; simple family; complicated family; patronymy; seasonal work; traditions; innovations.